

DOI: 10.15643/libartrus-2017.6.6

Великая российская революция и налоговые нововведения эпохи «военного коммунизма»

© Р. А. Хазиев

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.*

Email: khazievra@mail.ru

В статье анализируются ряд вопросов, дающих возможность раскрыть содержание и направленность отдельных проявлений «военного коммунизма», который был востребован большевиками как средство, не только позволяющее сохранить завоеванную власть, но и утверждающее авторитарную систему советского типа. Автор акцентирует внимание на парадоксах военно-коммунистической эпохи, проявившихся в громогласном, публичном признании отдельными большевиками губернского звена реквизиционного товарного налогообложения населения, но не верящих всерьез (при отсутствии диалога между властью и обществом), что благодаря командному налоговому администрированию и другим реквизициям удастся прокормить рабочих военных заводов, солдат Красной Армии и тем самым обеспечить незыблемость социализма. В статье даются ответы на вопросы, почему большевики, введя в действие военно-командное администрирование, способствовавшее одержать верх над своими внутренними и внешними оппонентами, не смогли справиться с экономическими вызовами, доведя хозяйство страны до полного разорения. В условиях, когда большевистское руководство внедряло военно-коммунистическую политику, тут же появилась альтернативная реакция народа на неприемлемый для него вариант безвозмездной товарной поддержки государства за счет резкого ухудшения своей жизни. Не были заинтересованы в результатах своего труда и крестьяне, которых также насильно заставляли «даром отдавать» государству произведенные ими продукты питания.

Ключевые слова: *Великая российская революция, Гражданская война, военный коммунизм, налоговая политика советского государства, экономическая история.*

Большевики, придя в октябре 1917 г. к власти, инициировали достаточное количество реформ. Можно представить, насколько рады были после революции земледельцы, когда новое большевистское правительство изъяло в их пользу землю у царя, помещиков, церкви. Какие положительные эмоции испытывали заводчане, получив вожделенный восьмичасовой рабочий день, гарантированные отпуска, бесплатное образование, медицинское обслуживание и целый ряд других социальных привилегий, немыслимых при прежнем режиме.

Однако проза повседневной жизни простых людей, освободившихся от «капиталистического гнета», оказалась совершенно иной. Помимо того, что советское правительство получило в наследство изрядно подорванное тремя годами Первой мировой войны народное хозяйство, большевики стали еще и ускоренно внедрять весьма затратную, внеэкономическую командно-административную модель социализма, составной частью которой явилась политика «военного коммунизма». Поэтому прогрессивные начинания, реализуемые во имя «трудового народа», оказались после октября 1917 г. большей частью декларируемыми, чем реально осуществляемыми.

Перед нами не стоит задача выяснить, чем руководствовался Ленин, делая ставку на утверждение в стране линейной хозяйственной модели. Очевидно одно: происходившие в советском государстве экономические реформы явно не укладывались в большевистский сценарий, как должно развиваться «социалистическое хозяйство» после завоевания власти «народом». Кроме этого, не сбывшиеся ожидания, что война спровоцирует социалистическую революцию в Германии, разрушили иллюзии не только относительно возможности творческого заимствования государственно-капиталистической экономики в интересах социализма, но и воспользоваться помощью социалистического немецкого государства с целью ускоренной индустриализации советской России.

Взятый на вооружение большевиками «военный коммунизм» достаточно быстро был возведен в незыблемую догму, «органичную» для подлинного социализма. На самом деле власть стремилась жестким командным администрированием противостоять происшедшему (во многом и по их вине) краху промышленного сектора страны; транспортной сети; разраставшемуся голоду; топливному кризису, массово обесточивавшему национализированные фабрики и заводы и т.д. Поэтому к началу 1919 г. не могло уже идти и речи о восстановлении экономики, а тем более ее реструктурировании. Финансово-хозяйственная недееспособность советских начальников, выдвинутых революцией на номенклатурные должности и массово допускавших безудержно-неумелое, а порой преступное «проматывание» народных денег, привела к тому, что за 1918 г. расходная часть бюджета РСФСР в 2.9 раза превысила доходную [1, с. 15, 62]. Образовавшийся неимоверный дефицит, составивший более тридцати миллиардов рублей, вкупе с активизацией антибольшевистской внутренней и внешней военно-политической оппозиции вызвал усиление внеэкономических методов спасения социализма. Выживание диктатуры пролетариата стало осуществляться за счет населения. Получила массовое распространение революционная практика административного отчуждения государством материальных ценностей и «съестных запасов» даже у тех рядовых граждан, которые изначально «всею душой» приняли советскую власть.

К концу 1918 г. – началу 1919 г. конфискационная политика государства утверждающе шествовала по стране. Хозяйственная ситуация в РСФСР к началу 1919 г. ухудшилась настолько сильно, что правительство совершенно перестало брать в расчет отдельные весьма рациональные послания с мест о политической недалекости развязываемого налогово-карательного обложения населения. Региональные чиновники, особенно из южноуральского региона, где в начале 1919 г. после изгнания большевиками своих противников заново утверждалась власть ревкомов, обращали внимание Центра на то, что скоротечно вводимое налоговое принуждение оттолкнет местное население от советской власти [2, л. 127]. Губернские управленцы, в итоге подчинившиеся партийно-хозяйственным указаниям Центра, стали одержимо их выполнять, фактически открыв «налоговый фронт», помимо имевшихся «трудового», «топливного» и «продовольственного».

Одними из первых в начале 1919 г. тяжесть конфискационного налогового бремени испытали обездоленные войной оренбуржцы. Очень скорого жители г. Оренбурга, страдая от различных изъятий на «нужды фронта», стали нелюбезно отзываться о советской власти, освободившей их от «гнета» белых [3, л. 38]. Оренбургские «взыскатели», игнорируя «стоны обывателей», добивались «ощутимых» результатов на налоговом фронте. «Успехи» налоговиков объяснялись ничем иным, как превентивным распространением среди плательщиков панических настроений о неотвратимости революционного возмездия в отношении тех, кто

уклоняется от исполнения объявленных «наложений». Многие в Оренбургской губернии были охвачены страхом, т.к. испытали на себе методы оперативной работы губернских чекистов, которых активно привлекали в течение 1919–1920 гг. для реквизиции у населения различного рода ценностей [4, л. 28–30].

Еще более рьяно, чем гражданские структуры, проводили конфискации подразделения Красной Армии, «очищавшие Урал» от «белой диктатуры». Армейские заготовительные структуры действовали в высшей степени бесцеремонно. Войсковые интенданты, проходя маршем через населенные пункты или делая в них краткие остановки, понимали, что никто не будет с ними разбираться или искать, под дулом оружия принуждали мирных граждан к «добровольной» сдаче домашнего скарба и продуктов питания [5, л. 16]. Походно-армейское налогообложение больше соответствовало грабежу, прикрываемому революционной риторикой о спасении Отечества, «находившегося в опасности» [6, л. 16].

Чем хуже становилось экономическое положение в стране, тем более увеличивалось вещевое и продуктовое налоговое бремя, перекладываемое государством на население. Властные органы на местах отчетливо видели, что хозяйственная ситуация осложняется каждый день. Они не были способны что-либо изменить, кроме как наигранно призывать на митингах чуть ли не жертвовать собой ради отстаивания завоеваний социалистической революции. Партийно-хозяйственные работники Екатеринбургской губернии, агитируя население «умерить свои потребности», сами не верили в публично произносимые библейские призывы, что не «хлебом единым жив человек». В конфиденциальных сообщениях они предрекали увеличение недовольства обнищавшего населения [7, л. 63] и дальнейшее разрастание яростного негодования, когда реквизиторы выносили из жилищ простых тружеников «самое последнее» [8, л. 37].

Эпоха «военного коммунизма», отличавшаяся всемерным оскудением жизни россиян, породила тем не менее плеяду провинциальных деятелей, которые, залезая в государственный карман, беззастенчиво обогащались. Даже если провинившегося «ловили за руку», то проверяющие, обнаружившие финансовые преступления, лишь журили оступившегося товарища, как это произошло в апреле 1919 г. в Пермской губернии. Также никаких оргвыводов не последовало и в отношении группы «ответственных руководителей», позаимствовавших денежные средства на личные цели из кассы одного из казначейств Пермской губернии [9, л. 7]. Аналогичная картина наблюдалась в Челябинской области, где в еще больших масштабах использовались не по целевому назначению огромные денежные средства различными партийно-советскими служащими [10, л. 1].

Революционная пропаганда «потерпеть до светлого будущего» не впечатлила жителей Ижевска и близлежащих населенных пунктов, когда они в июле 1919 г. получили предписание производить выплаты за «обладание» беспородными собаками, которые сидели на цепи при домах [11, л. 16]. Не выдерживал испытание временем и важнейший «военно-коммунистический» принцип о бесплатном использовании рабочими и служащими своего жилья. В конце января 1920 г. многие уфимцы испытали шок, узнав, что им в десятикратном размере повысили ставку за пользование квартирами [12, л. 26]. В 1920 г. увеличилось число целевых реквизиций, прежде всего домашнего скота, в частном жилом фонде пригородов, поселков и, конечно, на селе. Уездные налоговые инспекторы Уфимской губернии соревновались друг с другом, кто больше реквизирует крупный и средний рогатый скот, несмотря на его постоянный падеж ввиду отсутствия должного количества фуража на сборных пунктах [13, с. 97].

Особенно пострадали от военно-коммунистического натиска уездных и волостных советских управленцев, практически никем не контролируемых, те селяне, кто попадал в черные списки «мироедов-частников». В ряде уездов Уфимской губернии владельцем торговой точки и «промысловиком» могли назвать любого землепашца, которого заподозрили в реализации кустарно изготовленных предметов сельского обихода или продаже съестной продукции «своему соседу в деревне». Подобного рода «выявленных торгашей» немедленно ставили на учет [14, л. 16] и привлекали к административно-финансовой ответственности за подпольную производственную деятельность и «тайную торговлю» [15, л. 129].

Крестьянский мир, далекий от большой политики, не задавался вопросом, был ли «военный коммунизм» генеральной линией партии, направленной на строительство социализма, или военной стратегией, призванной одолеть врага, или сложный симбиоз первого и второго. Крестьяне мыслили практическими категориями. В массе своей они были уязвлены, психологически травмированы и испытывали колоссальное разочарование, когда, заполучив от советской власти право на владение землей, через несколько месяцев оказались в положении бесправных «товарных кредиторов», которых стали принуждать практически безвозмездно отдавать государству результаты своего «непосильного труда». Большевикам при системно разрушавшейся в период Гражданской войны промышленности больше, кроме как из аграрного сектора, неоткуда было черпать продовольственные, сырьевые и людские ресурсы, мобилизуемые на всевозможные отработки. Именно деревня во время «военного коммунизма» оказалась последним хозяйственным бастионом, внесшим наибольший, четырехмиллиардный вклад (по стоимостной котировке рубля в исчислении 1913 г.) в копилку национального дохода, тогда как на все остальные сегменты «затухающей экономики» пришлось не более одного миллиарда рублей [16, с. 3].

Очередным испытанием для крестьян, помимо налогового «правотворчества» различных учреждений на местах, стало общегосударственное обложение «натуральным налогом», введенным 30 октября 1918 г. и не отмененным после декретирования 11 января 1919 г. продовольственной разверстки. Отдельные работники губфинотделов, отвечавшие на местах за выполнение натурального налога, были в ужасе от политики Центра, не учитывающего, что наряду с разверсткой надо было еще получить от крестьян недоимки за 1918 г. и выполнить план за 1919 г. [17, л. 75, об-77]. В губерниях, негласно решая, что может вызвать наибольшей гнев в Москве (со всеми вытекающими отсюда персональными оргвыводами): неисполнение натурального налога или разверстки, – делали выбор в пользу разверстки из-за нереальности взыскания с крестьян двух видов «продовольственных податей». Губернские чиновники, самочинно затягивая под разными бюрократическими предлогами «исполнение натурального налога», постоянно получали выговоры из Центра [18, л. 105–106].

Представители Наркомфина в регионах, отвечавшие за сбор натурального налога, понимая, что не могут и, по большому счету, не хотят конкурировать с продотрядниками Наркомпрода, насильно изымавшими продовольствие у крестьян, стали искусно имитировать бурную деятельность. На многочисленных, экстренно организуемых конференциях, совещаниях, собраниях принимались громогласные постановления о важности и необходимости выполнения натурального налога в «условиях разрухи» [19, л. 21–23 об.; 20, л. 29–30]. Все эти срочно рождаемые документы, безмерно насыщенные бранной лексикой, революционно-обличаю-

щей «врагов трудового крестьянина», были ничем иным, как революционной пылью, пускаемой в глаза Центра и тем самым хоть как-то оправдывающей перед вышестоящим руководством за провал по сбору «натурального налога».

Региональные губфинотделы продержались на волне показного, бравурного энтузиазма до середины 1920 г. и вялотекуще пополняли закрома государства «натуральным продналогом». Ко времени осенней страды 1920 г., когда стало очевидным массовое неисполнение «нарядов» по разверстке, например, Уфимский губфинотдел стал методично и целенаправленно отправлять в Центр депеши с просьбами отказаться от «натурального налога» [21, л. 42–50, 54]. Подобного рода предложения с мест были вызваны реалистическим пониманием того, что надо отменить неэффективный «натуральный налог», гнетуще действующий на крестьян в условиях тлеющего в деревне недовольства, готового в любой момент перерасти в массовое всепокрушающее выступление, направленное против большевиков.

На местах отдавали себе отчет в том, что при сложившейся в деревне взрывоопасной ситуации было бы лучше не обострять и без того тяжелое положение селян неуместными попытками «выкачать у крестьян хлеб» по натуральному налогу. Тем более что собираемость «госнатурналога» была крайне низкой даже в хлебопроизводящих районах, к которым относился во время Гражданской войны и Урал – «тыловая житница» [22, л. 7–8; 23, л. 110; 24, л. 29–30]. А вот отрицательное воздействие «натурального взыскания» было наивысшим в плане дополнительной наэлектризации сельского общества, «истерзанного и замученного» разверсткой. Итоговые статистические данные, систематизированные Наркомфином по двадцати семи губерниям страны, демонстрировали, что «выбитые из крестьян» 243 175 пудов продовольственного «натурального налога» абсолютно не внесли какого-либо ощутимого вклада «в дело борьбы с голодом». «Натуральный налог» был ярким воплощением «Сизифова труда», вызванного господством в период Гражданской войны догматических «военно-коммунистических» представлений, оправдываемых и подпитываемых идеологией классовой борьбы с внутренними и внешними врагами.

Таким образом, политика «военного коммунизма» в целом и ее отдельные проявления в частности помогли большевикам решить военно-политические задачи ценой распространения хаоса и всеобщего хозяйственного коллапса. Пока шла Гражданская война, население терпело военно-административное управление экономикой. Неимоверное ухудшение жизни трудящихся, особенно крестьян, вынужденно заставило земледельцев негласно мстить советской власти за разверстку и другие обрушившиеся на них невзгоды. Селяне, протестуя против внеэкономической военизированной «ссыпки хлеба», нейтрализующей любую мотивацию «пахать, сеять и выращивать урожай», забрасывали поля и выращивали лишь тот минимум продуктов, который давал возможность продержаться и не умереть от голода их семьям.

Охватившая деревню натурализация жизни, не позволявшая рассчитывать на ликвидацию голода в городах, «замерзающая» промышленность, эпидемии, неурожай, сокращение рождаемости, высокая смертность, небывалый с 1917 г. рост социальной напряженности и другие кризисные явления отрезвили Ленина и его соратников. Политическая верхушка страны начала искать выход по спасению социалистической России, неумолимо погружающейся в политическую и экономическую бездну. Остаться на плаву и избежать краха большевикам удалось благодаря своевременному отказу от командного администрирования и вынужденному переходу ради спасения однопартийной монополии и социализма к рыночной Новой экономической политике.

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №170363).

Литература

1. *Роспись общегосударственных доходов и расходов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики на июль – декабрь 1918 года с объяснительной запиской Народного комиссара финансов* / Под ред. Наркомфина. М.: ВЦИК, **1919**. С. 147.
2. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. **7733**. Оп. 1. Д. **4924**.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. **4085**. Оп. 9 а. Д. 213.
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 199. Оп. 6. Д. 10.
5. РГАЭ. Ф. **3429**. Оп. 12. Д. 18.
6. РГАЭ. Ф. **3429**. Оп. 12. Д. 18.
7. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 25. Оп. 1. Д. 9.
8. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 4.
9. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 424. Оп. 1. Д. 1.
10. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 183. Оп. 1. Д. 19.
11. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР). Ф. 54. Оп. 1. Д. 9.
12. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 91. Оп. 1. Д. 7.
13. Телицын В. Л. *Сквозь тернии «военного коммунизма»: крестьянское хозяйство Урала в 1917–1921 гг.* М.: Изд. центр Ин-та рос. истории РАН, **1998**. С. 216.
14. НА РБ. Ф. 234. Оп.1. Д. 14.
15. НА РБ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 21.
16. Преображенский Е. *Вопросы финансовой политики.* М.: Госиздат, **1921**. С. 76.
17. РГАЭ. Ф. **7733**. Оп. 1. Д. **5145**.
18. РГАЭ. Ф. **7733**. Оп.1. Д. **5145**.
19. НА РБ. Ф.234. Оп. 1. Д. 23.
20. *Известия екатеринбургского губернского продовольственного комитета и Губсоюза рабоче-крестьянских потребительских обществ.* **1920**. №4.
21. НА РБ Ф. 107. Оп. 1. Д. 14.
22. РГАЭ. Ф. **7733**. Оп. 1. Д. **5135**.
23. РГАЭ. Ф. **7733**. Оп. 1. Д. **5145**.
24. ГАОО. Ф. 199. Оп. 6. Д. 10.

Поступила в редакцию 05.12.2017 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2017.6.6

The Great Russian revolution and tax innovations in the epoch of “war communism”

© R. A. Khaziev

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: khazievra@mail.ru

The author of the article studies a number of issues giving the opportunity to reveal the contents and direction of certain manifestations of “war communism”, which was demanded by the Bolsheviks as a means that not only allowed them to save the conquered power but also as a means to rooting an authoritarian system of the Soviet type. The author focuses on the paradoxes of war communist era, when some Bolsheviks officials proclaimed the necessity of the cruel commodity taxation, but they did not believe really (in the absence of dialogue between the government and the society) that punitive taxes and other requisitions would help them to feed the workers of military factories and the soldiers of the Red Army thus ensuring the inviolability of socialism. The author gives answers to the question why the Bolsheviks using the war communism, which helped them to defeat their internal and external opponents, were not able to cope with the economic challenges and brought the national economy to utter ruin. Implementation of war-communist policy by the Bolsheviks immediately resulted in alternative reaction of people, who believed that it is unacceptable option to support the state gratuitously at the expense of a sharp deterioration of their own living standards. The peasants were also not interested in the results of their activities, as they also were compelled by force to give agricultural goods to the state “for nothing”.

Keywords: Great Russian revolution, Civil War, war communism, tax policy of the Soviet state, economic history.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Khaziev R. A. The Great Russian revolution and tax innovations in the epoch of “war communism” // *Liberal Arts in Russia*. 2017. Vol. 6. No. 6. Pp. 505–512.

References

1. Rospis' obshchegosudarstvennykh dokhodov i raskhodov Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovet-skoi Respubliki na iyul' – dekabr' 1918 goda s ob'yasnitel'noi zapiskoi Narodnogo komissara finansov [*Listing of national income and expenditure of the Russian Socialist Federative Soviet Republic in July-December 1918 with the explanatory Memorandum of the People's Commissar of Finance*]. Ed. Narkomfin. Moscow: VTsIK, 1919. Pp. 147.
2. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki (RGAE). F. 7733. Op. 1. D. 4924.
3. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 4085. Op. 9 a. D. 213.
4. Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti (GAOO). F. 199. Op. 6. D. 10.
5. RGAE. F. 3429. Op. 12. D. 18.
6. RGAE. F. 3429. Op. 12. D. 18.
7. Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti (GASO). F. 25. Op. 1. D. 9.
8. Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti (TsDOOSO). F. 76. Op. 1. D. 4.
9. Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia (GAPK). F. 424. Op. 1. D. 1.
10. Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti (OGACHO). F. 183. Op. 1. D. 19.
11. Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Udmurt-skoi Respubliki (TsDNI UR). F. 54. Op. 1. D. 9.
12. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). F. 91. Op. 1. D. 7.

13. Telitsyn V. L. *Skvoz' ternii «voennogo kommunizma»: krest'yanskoe khozyaistvo Urala v 1917–1921 gg.* [Through the thorns of "military communism": peasantry of the Urals in 1917-1921]. Moscow: Izd. tsentr In-ta ros. istorii RAN, **1998**. Pp. 216.
14. NA RB. F. 234. Op.1. D. 14.
15. NA RB. F. 223. Op. 1. D. 21.
16. Preobrazhenskii E. *Voprosy finansovoi politiki* [Questions of the finance policy]. Moscow: Gosizdat, **1921**. Pp. 76.
17. RGAE. F. **7733**. Op. 1. D. **5145**.
18. RGAE. F. **7733**. Op.1. D. **5145**.
19. NA RB. F.234. Op. 1. D. 23.
20. *Izvestiya ekaterinburgskogo gubernskogo prodovol'stvennogo komiteta i Gubsoyuza raboche-krest'yanskikh potrebitel'skikh obshchestv.* **1920**. No. 4.
21. NA RB F. 107. Op. 1. D. 14.
22. RGAE. F. **7733**. Op. 1. D. **5135**.
23. RGAE. F. **7733**. Op. 1. D. **5145**.
24. GA00. F. 199. Op. 6. D. 10.

Received 05.12.2017.